

A black and white photograph of a woman with long hair walking on a cobblestone street at night. She is wearing a dark jacket and looking to her left. In the background, there are city buildings and streetlights. A white rectangular box with a black border is overlaid on the right side of the image, containing text.

БРИЗИН КОРПС

ОСКОЛКИ

Бризин Корпс

Осколки

«Издательские решения»

Корпс Б.

Осколки / Б. Корпс — «Издательские решения»,

Она ворвалась в мое существование внезапно и переименовала его
в жизнь. Она стала прекрасной иллюзией моей способности чувствовать.

Содержание

Sensus.1	6
Memoria.1	13
Memoria.2	14
Somnus.1	15
Memoria.3	16
Somnus.2	18
Sensus.2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Осколки Бризин Корпс

© Бризин Корпс, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Sensus.1

Она посмотрела на меня так, словно я не затяжку делала, а взрывала метро – в них читалось и удивление, и непонимание, и доля опасения.

Да, я, человек некурящий, считающий, что это не приносит никакой пользы и более того – засоряет легкие, портит дыхание и эмаль, взяла и сделала затяжку. Я вдохнула дым глубоко – так, чтобы почувствовать эффект, если такой и будет. На самом деле, я думала, что закашляюсь, – однако ничуть не бывало: прошло как по маслу. Наверное, виной тому то, что я все-таки покуриваю. Ведь кальян считается, верно?

– Хм, помогает, – заметила я, возвращая подруге ее «Marlboro».

Она взяла протянутую сигарету и ответила, затянувшись:

– Ну а то.

Я не стала бы курить из-за того только, чтобы влиться в компанию. Будь так, я бы курила лет с четырнадцати, когда это «вошло в моду». Кто знает, может быть, сложись все иначе, я бы так и не опустилась до этого. Просто произошло то, что произошло, и это несколько надломило мой стержень. Можно сказать, что я поступила так, чтобы облегчить возникшую боль внутри себя. Забавно: я старалась потушить ее внутри тлеющей сигаретой.

– Я докурю, ты не против? – спросила я и протянула пальцы вперед.

На меня снова посмотрели каким-то недоверчивым и удивленным взглядом.

– Да, конечно.

Уходя, я чувствовала, что мне продолжают удивляться.

Я села на один из бетонных камней, которыми огораживается парк от набережной, и погрузила сознание в дым. Странно, но должна признать, что курение действительно работает. Буквально через пару секунд в голове образовалось облачко. Казалось, словно мозг вдруг раздулся, как спасательный жилет. Немного подташнивало. «С непривычки» – подумала я. «И вина». Да, оно определенно играло тут не последнюю роль.

Мимо проходила компания парней и девушек количеством шесть-семь человек. Один из них держал на плече бумбокс, из которого доносились звуки какого-то трека, близкого по жанру к электронной музыке или дабстепу. Их веселость, их беззаботность – все это заставило меня улыбнуться. Пока они шли мимо, я провожала их взглядом, чувствуя, что мне на самом деле стало хорошо.

Мы пришли в парк некоторое время назад – около часа или полтора. Мы любили проводить ночи тут – река, свет, прекрасные дружелюбные люди и ночной воздух... Разве может быть что-то лучше? Обычно мы просто проводим время друг с другом, выпивая или играя в дурацкие игры – в общем-то, ничем путным не занимаясь и просто бездарно тратя ночь.

Нет.

Мы не тратили ночь бездарно. Никогда. Бездарно тратят ее лишь те, кто спит.

Глупо как-то спать ночью. Я думаю, что в ней есть что-то такое, чего нет в дне. Я имею в виду: какая-то тишина, умиротворенность. Спокойный, тихий ветер дует время от времени, вокруг горят фонари и изредка бродят прохожие (такие же любители ночной поры, как и ты сам), и это все вместе возбуждает внутри чувство, похожее на удовлетворение всем и вся. Мне лично в таком настроении хочется крутиться волчком, смеяться и обнимать каждого, кто мне на глаза попадется.

Днем такого не бывает.

Днем слишком много людей, которые снуют туда-сюда, словно муравьи, носятся, шумят. Их лица не выражают ничего, кроме напряжения и недовольства. Стоит нечаянно коснуться руки кого-нибудь в общественном транспорте, как он тут же презрительно одергивает свою конечность, словно бы не ты ее задел, а дьявол своим провонявшим грехами и кровью копытом.

Как только вошли в парк, мы услышали громкую музыку, доносящуюся из кафе около водоема (прудом это назвать нельзя – как-то не вяжется). Стало ясно, что кто-то что-то празднует. Я, как то всегда и бывает, пропиталась витающим в воздухе настроением и стала вести себя взбалмошно, веселя тем самым двух своих спутниц.

– Слушайте, а, может, к ним присоединимся? – спросила я, когда мы подошли к сложенным на самодельном пляжике матрасам и начали открывать бутылку вина.

– Зачем? – Лиза посмотрела туда же.

Я пожала плечами:

– У них весело.

– А у нас, что, не весело? – подала голос Ася.

Тут нельзя было не согласиться.

В ожидании, пока бутылку откроют с помощью подручных средств, а именно – фломастера, я решила написать на песке что-нибудь на латыни. Недолго думая, решила написать вопрос, который я никак не могу задать в лицо той девушке, что открывала в тот момент вино. То есть, не то чтобы мы не разговаривали насчет моих симпатий и всего прочего, но... просто я никогда не задавала ей именно **этот** вопрос.

Пришлось несколько повозиться. Надпись получилась большой и непонятной – то есть как раз такой, какой я и планировала ее сделать.

Пока я отошла от своего творения и, расшнуровывая кеды, вытряхивала забившийся в них песок, Ася подошла ближе к надписи, очевидно, уже закончив муторство с бутылкой алкоголя.

– Plaseo-ne te... – прочитала она. Звучало это, естественно, неправильно, но не в этом суть. – И что это значит? – спросила она меня.

Я улыбнулась. Еще одна причина, по которой я люблю ночь, – она накладывает на лицо тень. Ты видишь только основные эмоции человека, но не можешь проникнуть в его душу и понять **все** нюансы. Это как десять фломастеров в наборе – оттеночных нет, лишь главные цвета. Так и тут: я улыбнулась, но ни Ася, ни Лиза не смогли бы прочесть по моим губам, какая грусть хранится за начертанными словами.

– Не скажу, – ответила я и подошла к ним, взяв вино. – Знаете, сколько стоит? – поспешила перевести я тему и посмотрела на казавшееся темно-зеленым стекло.

– Сколько?

– 161 рубль, – усмехнулась я.

– Да ладно? Так дешево.

– Ага. Сама удивилась. Кубанское. Сейчас и опробуем, – я сделала глоток. Вино на вкус было приятным и слегка-слегка кисловатым. – Молодое, хорошее, – я посмотрела на этикетку и передала бутылку в протянутые Асины руки. – Купила вместе с бабан.

– Серьезно?

– Ну да.

– И что она? Нормально?

– Ну что-что. А что она скажет? Она знает, что я пью. Тут вино – подумаешь. Вот только побузила насчет того, что я на всякую чушь деньги трачу...

Моя бабушка довольно легко мирилась с моими закидонами. На самом деле, я считаю, что никак иначе она и не могла бы реагировать. В плане – ладно бы она не пила и не курила, но ведь нет. Нельзя не согласиться, что проповеди о вреде алкоголя и курения звучат неубедительно из уст курящего и пьющего, неправда ли? Так что... я искренне не понимаю, почему родители запрещают своим отпрыскам то или иное, хотя сами в свои молодые годы наверняка позволяли себе то же. Практически уверена, что у большинства взрослых были опыты в «голубой» области и они наверняка пробовали хотя бы марихуану.

Я точно знаю, что мой отец пробовал не только ее – героин тоже был близким знакомым моего предка. Касательно матери мне ничего неизвестно, однако она курила. Курила и во время беременности, кстати. «Вот почему я такая идиотка» – последнее время часто мне это в голову приходит.

И забавно: мой папа, держа сигарету в зубах и чиркая зажигалкой непосредственно около ее кончика, говорил:

– Если увижу, что ты куришь, запихну пачку в самую глотку, поняла? – и улыбался.

Тогда я улыбалась ему в ответ, однако сегодня, вспоминая эти моменты, я называю себя дурой. Дети наивны – для них улыбка есть улыбка, ничего больше. Улыбка – это хорошо.

Но мой отец улыбался мне как-то по-звериному. Наверное, представлял, как он ненужному ребенку (обузе, говоря по чести) причиняет страдания на основании того только, что может это себе позволить.

Спускаясь по каменным ступеням ближе к реке, мы увидели какого-то парня.

– Привет, – поздоровалась я, пребывая в состоянии идиотической радости всему вокруг. – А мы тут, это, – я кивнула на своих друзей. – Собираемся немного понарушать закон.

– Да мы тут тоже как-то... – парень показал на стоящие рядом бутылки, среди которых я отчетливо увидела «Jack Daniels».

– Опа, – удивилась я, присаживаясь на камень и укладывая рядом с собой рюкзак. – Ну мы присоединимся тогда, вы не против?

Парень улыбнулся и пожал плечами, давая понять, что нет, он не против.

В принципе, вот что хорошо в темноте – она сближает. Днем вероятность влиться в какую-то компанию равняется нескольким процентам, тогда как ночью шансы возрастают в разы.

– Здравствуйте, – услышали мы новый голос после глотка вина. Прежде чем я успела удивиться галлюцинациям (все-таки не абсент хлещем), перед нами возникла беловолосая голова с растянутой от уха до уха улыбкой, обнажающей белые зубы. – Меня зовут Николай. А вас?

Очевидно, данный человек был из тех «них», о которых упоминал первый наш знакомый.

Я посмотрела на него мельком. В далеком шестом классе я сочла бы его весьма привлекательным молодым человеком, однако на сегодняшний день, являясь уже выпускницей, я не почувствовала внутри себя ничего. Лишь мысль: «о боже, опять?» мимоходом скользнула где-то в голове и испарилась тут же, стоило только прикоснуться губами к горлышку бутылки и сделать новый глоток.

Люблю я Кубань. Ничего не могу с этим поделать.

Мы поочередно представились. Лиза как всегда назвалась Алисой, что вызывало у меня рефлекторное желание закатить глаза. Чего-чего, а этого я не выношу – все эти Алиса, Луна и прочие ванильные имяреки меня выбешивали похлеще политической обстановки в мире.

– Маш, стрельни мне сижку, – обратилась она ко мне шепотом. – У них наверняка должны они быть.

Сама она не могла это сделать. Не виню ее за это, не смеюсь над ней – у каждого, как говорится, свои тараканы в голове, что поделать? Да и забавно это в некотором роде – просить у людей курева, а потом отдавать его другому человеку.

Я уже готова была встать, как...

– Простите, – обратился к нашему девичнику Коля. – У вас не найдется сигаретки?

– А мы вот уже хотели у вас их стрельнуть! – повесив губы на уши, сказала я.

Николай, достав из протянутой Асей пачки сигарету, посмотрел на меня, также улыбаясь:

– Да что вы?

– Неловко как-то получилось.

– Так, а сколько вам лет? – спросил он, усаживаясь напротив меня и сбоку от Аси.

– Двадцать один, – ответила та.

– Восемнадцать, – качнула головой Лиза.

Ну а что, мне быть моложе их, что ли?

– Восемнадцать, – качнула плечами я. В принципе, это только на малюсенькую долю неправда. По сути, я sluкавила меньше Аси, которая прибавила себе три года с копейками, и Лизы, прибавившей себе чуть менее года. Так как она родилась позже меня, посредством логических заключений можно сделать вывод, что в нашем коллективе я самая невинная в плане вранья сегодняшним вечером.

Далее следовали вопросы-ответы на темы обучения. Ася запихнула себя вкупе с Лизой в МГППУ, куда они только **планировали** поступать. Получалось, что она уже на третьем курсе. Меня определили в литературный институт имени Горького, куда я все намеревалась попасть, но все-таки раздумала, решив, что меня это в конечном счете вгонит в депрессию. Я также отказалась и от сдачи литературы в ЕГЭ, что практически совершенно лишало меня шансов куда-либо поступить. Но – ладно. В конечном счете **меня** никто не спросил касательно того, правда ли все это. А не отрицать информацию, которую говорит кто-то там (не ты лично), и врать – это разные вещи.

Удачно оправдавшись, я продолжила есть черешню, прихваченную с собой.

Коле оказалось девятнадцать, что вынудило Асю пожалеть о сказанной сгоряча цифре. Мне было как-то все равно, сказать по чести. Изначально решив, что и как, я просто сидела на заднем плане, пока эти две ловили каждое сказанное парнишей-с-набережной слово.

Бла-бла-бла, я жил в Америке. «Прекрасное произношение» – похвалила его Елизавета. Я закатила глаза.

Бла-бла-бла, я знаю английский, немецкий, французский.

Бла-бла-бла, я умею сочинять.

Нет, может быть, я судила его предвзято. Нет, может быть, заметив, как на него смотрит субъект моих собственных чувств, я начала ревновать и поэтому мне каждое его качество, высоко ценимое кем угодно, не нравилось крайне, вызывало у меня приступы нервозности и негодования. Но – боже мой, разве можно проэкзаменовать человека на **знание** того или иного языка? Я имею в виду, незнакомца на мостовой – разве можно? Он вполне мог выучить пару-тройку стандартных фраз, чтобы умело окучивать девиц, вроде таких, как мои спутницы. Знание языков (а в особенности, французского) поднимает тебя в глазах собеседницы. Только вот я со своей латынью... Мда.

Так или иначе, я не чувствовала ничего, кроме постепенно пронизывающего меня холода. Вина уже вскоре не осталось, так что согреться мне было нечем. Все мои мысли кружились вокруг «надо пойти на мост – там теплее» и я раздражалась от того, что никто меня не слышит, что всем тепло и комфортно. Я пару раз вставала и бегала по каменным ступеням.

– Как в человеке может быть столько энергии?! – наигранно, по-актерски как-то восклицал Коля, обращаясь к своим друзьям.

«Как в человеке может быть сорок три килограмма и желание сбросить жир, бегая туда-сюда?» – думала я тем временем.

Друзья Коли, с которыми мы вскоре познакомились, использовали мою колонку для воспроизведения довольно живенькой музыки, под которую я носилась по набережной как угорелая.

– Эй, – окликнула меня Ася, прикоснувшись к плечу, когда я наконец-таки снова села. Рядом не было Коли, Лиза не слушала. – Что с тобой?

– Мне холодно, – грубо ответила я. Когда мне некомфортно, я начинаю реагировать на внешний мир, как Цербер. Сама того не желая, я становлюсь ужасно противным человеком. – Я уже полчаса или час твержу – пойдемте на мост, мне холодно. А мы сидим тут!

– Ты думаешь, на мосту будет теплее?

– Я **знаю**, что там будет теплее, – пронзая взглядом, ядовито парировала я.

Ася промолчала. Я заметила, что Лиза уже слушает, а Коля бродит где-то рядом. Меня буквально шатало от ненависти к окружающим. Почему, черт возьми, никто не хочет пойти на мост?! Мне холодно!

– Вот поэтому мы и не можем быть вместе... – тихо сказала Ася.

Я никогда не думала, что что-то снова причинит мне такую сильную, пронзающую сердце острой иглой, боль. Я-то думала, что теперь ничто не свете не заставит меня страдать. Я думала, что докатилась до стадии полной бессердечности. Но...

Но эти несколько слов обернулись веревкой вокруг шеи и тут же затянулись петлей, отчего в горле появился ком, горький, примерно как лимонные семечки.

– Ты вот именно сейчас решила поднять эту тему? – я посмотрела на нее глазами, в которых она не могла бы прочесть ничего, кроме злости. Ночь не позволяла ей видеть мою боль.

Она пожала плечами и отошла.

И вот я осталась в компании Лизы и Коли. Лиза курила свой Marlboro, делая вид, что ничего не слышала.

– Дай, пожалуйста, – попросила я, протянув руку, когда Лиза собиралась сделать новую затяжку.

Она посмотрела на меня так, словно я не затяжку делала, а взрывала метро – в них читалось и удивление, и непонимание, и доля опасения.

* * *

– И где Петр? – интересовался Сева, пока мы сидели в мосту и пили чай. Спрашивал он это, понятное дело, не у меня, а у своего товарища, Матвея.

– Я не знаю, – не поднимая от планшета глаз, ответил он. – На звонки он не отвечает, поэтому фиг знает.

– Я пока в туалет ходила, видела кого-то на скамье, – вставила я. – Мне показалось, что этот спящий человек похож на Петю, но толкать не решилась – вдруг не он.

– На скамейке?

– Ну да, по дороге в туалет.

– Ну там его уже нет, – снова подал голос Мотя, все также смотря лишь в экран и никуда больше. – Я недавно там проходил – никого.

– Ушел, значит, – подвел итог Сева. – Вот куда только? Нам бы уже пора двигаться – мне на работу скоро.

– Ты прям сразу на работу пойдешь? – удивилась я, отхлебывая из крышки термоса горячий чай и протягивая ее собеседнику.

– Ну да.

– Кем ты работаешь?

– Да... программистом. На Шаболовке.

Мы помолчали.

Я кинула взгляд на стоящих за стеклом Асю и Лизу. Рядом с ними мельтешил Миша, недавно пытавшийся меня облапать и напоить моей же текилой.

– Надоедливый он какой-то, этот Михаил, – пробубнила я. Сева посмотрел сначала на меня, а потом, проследив за моим взглядом, сказал:

– Да, какой-то он... навязчивый. Не могу я понять таких людей.

– Не люблю их.

– Угу, – Сева снова отпил из крышки, опустошив ее, и протянул мне, чтобы я вновь наполнила. Миссия – выпить весь термос. Accepted.

– Я уже есть хочу, – сказал он немного погодя. – Так, давай, Моть, ищи Петрардо, и пойдем уже хавать, – Сева встал с подоконника-для-сиденья.

Я посмотрела на Асю за стеклом.

– Чем он только ее так привлек... – вслух подумала я.

Сева снова посмотрел туда, куда и я.

– Кто? Коля?

Я кивнула.

– Ну он на всех так действует, – он снова сел рядом и протянул руку за чаем. – Но он петух, понимаешь? То есть он... ну блин, покрасуется-порисуется, пособлазняет. В общем, эта, как там ее... Ася?.. ну пусть она не надеется. То есть, ничего из этого не получится.

– Как всегда, – хмыкнула я, ощутив внутри всполох злостной радости и горькой печали. С одной стороны, О ДА ОНА НЕ БУДЕТ С НИМ. С другой, когда же она будет счастлива?

А мне ничего на свете не хотелось так сильно, как ее счастья.

Я смотрела на нее. Она не видела этого, продолжая говорить с Лизой и пытаюсь спровадить Мишу подальше. Я видела, как она себя чувствует. Каждое ее движение наполнилось энергией и счастьем. Ей было радостно. Она встретила человека. Он ей понравился. Взаимно (как казалось ей). И они провели какое-то время вместе на мосту, как я узнала. Но...

Но у них ничего не выйдет.

Я сидела и думала, что хотела бы помочь ей с этим – стать человеком, который сможет унять ее боль, полностью впитав ее, словно губка. И мне было горько, потому что я понимала, что это не в моих силах. Я просто не знаю, как и чем я могу (могу ли вообще?) помочь.

* * *

Петр в конечном счете сам к нам пришел, и мы выдвинулись прочь с моста и вон из парка. Навстречу еде.

Я шла в отдалении, полностью погруженная в свои мысли и чувства. Мне было как-то тоскливо, я хотела поскорее оказаться дома. Но одновременно с этим я чувствовала, что хочу быть рядом с Асей. Это как-то странно: желать быть рядом с тем, кто по независимым от него самым причинам делает тебе больно. И причем так сильно, как никто и никогда не смог бы.

«Все почему? Все потому, что я подпустила ее ближе, чем кого-либо еще» – думала я.

Они с Колей шли позади, премило беседуя. Впереди шествовали Сева, Мотя и Сергей с Мишей. Я – посередине. Одинаково далеко что от передних, что от задних. Лиза перемещалась, словно заряженный ион, – от одной группы к другой. Мне она жаловалась на то, что Ася все время лишь с Николая да с Николая, а у других стреляла сижки. Я выкурила сигареты три, пока мы шли.

– Ты чего? – поинтересовалась у меня Лиза, снова прикуривая и беря меня под руку. – Что случилось?

– Да так, – отмахнулась я. – Ничего, в принципе. Просто грустно. Ну знаешь... – я качнула головой назад, намекая на Асю и ее избранника.

– Понимаю, – она затянулась и протянула мне сигарету. Я приняла приглашение. – Давай поговорим о чем-нибудь?

– О чем? Дай тему – я с радостью ее разовью.

– Хм, я не знаю... Рыж! – Лиза отпустила мою руку и подошла к Асе, спровадив ее спутника прочь. – О чем можно поговорить с Мари?

– Да о чем угодно! – выпалила та в ответ. Громко. Так, что даже я расслышала. – О литературе, о суициде, об алкоголе...

И тут во второй раз за несколько часов меня пронзило иглой. В этот раз она оказалась и острее, и больше – то есть боль на меня накатила просто невыносимо сильная. Я остановилась, ощутив, как на глазах наворачиваются противные соленые слезы. «Твою мать, минимум три месяца не рыдала, а тут – здрасте!» – подумалось мне.

Слезы душили. Я словила себя на том, что даже всхлипнула. Приближалась чуть ли не истерика. Я хотела убежать подальше и спокойно порыдать – так чертовски плохо мне стало. Но я не могла. У меня проблемы с ногой, я не могу бегать. Черт возьми! Ни от боли не сбежать, ни от ее причины...

«Алкоголь. Литература. Суицид» – лыбилась я злобно и тоскливо. «Вот какой ты интересный человек, Маш. Вот, что стало очевидно Асе после трех лет общения с тобой!»

– Эй! – Лиза возникла рядом. – Тихо. Что случилось?

О господи, отстаньте! Ненавижу проявлять слабость. Ненавижу, когда меня кто-то видит в таком состоянии. Хочется провалиться сквозь землю, лишь бы только никто на свете не видел моих слез, не думал, что у меня есть чувства, что меня можно задеть, как-то чем-то тронуть и причинить мне страдания.

Не показывай мишень – никто не спустит курок, чтобы ее поразить. Логично? Более чем.

– Эй, – снова услышала я. В этот раз это была уже Ася. Все остальные двигались вперед, не видя сцены позади.

«Уйди! Уйди с ними! Только тебя сейчас мне не хватало!»

Мне не хватало. На самом деле. Ее мне жутко не хватало. Но сейчас я хотела бы, чтобы она улетела на Луну или на Плутон – как можно дальше. Я не хотела, чтобы она застукала меня в расшатанном состоянии, нашла меня неспособной стоять на своих ногах.

Она, конечно, не сможет понять, почему все так. Она не сможет увидеть реального положения дел. Она решит, что я валяю дурака, что захотела порыдать просто так. А ведь это не так!

– Ты чего? – она протянула ко мне руки, намереваясь обнять. От этого действия меня скрутило еще сильнее. Я почувствовала себя тряпкой в руках поломойки со стажем – такой, которая знает, как надо правильно выжимать кусок ткани, чтобы он стал практически полностью сухим. Примерно так я себя ощущала.

Я пыталась вырваться, понимая, что в противном случае случится непоправимое...

– Нет-нет-нет, – ответила на мои движения Ася, сильнее обхватывая меня руками, прижимая к себе, как мать – младенца. Она словно спасала от чего-то...

Вот только единственное, от чего мне надо было бы спастись, меня все равно настигло.

Она сказала:

– Не пущу... – так тихо, что слышала это только я.

Случилось то, чего я боялась.

Я не отстранилась.

И вместо того, чтобы оттолкнуть ее подобно прочим, я склонила голову ей на плечо.

Memoria.1

– Что читаешь? – спросила она меня. Я оторвала глаза от экрана телефона.

– «Апрельское колдовство», Рэй Брэдбери.

Она стояла около зеркала в комнате и смотрела на свое отражение, поправляя свитер. Когда я назвала книгу, она мельком посмотрела на меня, еще немного постояла и направилась к дивану, на котором я по-хозяйски восседала.

Опустившись на него рядом со мной, она попросила:

– Почитаешь мне?

«Апрельское колдовство» – это небольшой рассказ. Романов у Брэдбери, в принципе, немного. На тот момент я была одержима этим автором, но, к своему сожалению, не могла найти ни одной книги, кроме «Марсианских хроник» и «451 градуса по Фаренгейту». Полная, однако, желания прочесть как можно больше написанного Рэем, я взялась за его рассказы. И в тот день на очереди было «апрельское колдовство».

Я начала читать – не могла устоять перед голосом, попросившим о такой малости. Как можно ответить «нет» любимому человеку? Особенно если это просьба, выполнить которую не составит ни малейшего труда?

Как сейчас помню – спокойным голосом, стараясь передать как можно лучше то, что так красочно написано, я читала описание полета Сеси в самом-самом начале, в самых первых строках.

Ася положила голову мне на плечо, и мое дыхание сбилось. Я потеряла строчку, и слова расплылись перед глазами, но мой верный слушатель никак на это не отреагировал. Казалось, она все понимала. Говорила: «все в порядке. Я знаю, что ты чувствуешь. И я чувствую то же самое. Я тут, эй».

Не от того даже, что я что-то такое чувствовала по отношению к ней, а от того, что я понимала взаимность своей симпатии, – вот, что выбивало меня из колеи. Я никак не могла поверить в свое счастье. Мне еще никто и никогда не отвечал искренностью на искренность.

Так мне это и запомнилось:

Апрель. Мы сидим на диване. Я читаю ей в полголоса «Апрельское колдовство». И каждая из нас чувствует это колдовство внутри себя.

Memoria.2

От моего дома до ее – около четырнадцати километров. Ехать примерно час с одной пересадкой на двух, соответственно, автобусах. Тьма уже сгущается – на дворе зима, а время уже перевалило за девять вечера, хотя Ася обещала своей матери, что дома у них мы будем уже в это самое время.

– И как это маме объяснить-то? – спросила меня севшая на скамейку Ася, посмотрев мне в глаза, затененные мглой.

– Ну, – как всегда в таких случаях, в моей голове начали в беспорядке бегать самые идиотские мысли, всегда вызывающие теплый смех у моей darlin. – Скажем, что были пробки огромные, или что автобус задерживался, что его захватили пираты. Скажем, что водитель на нас дулся и не хотел трогаться...

Я прервалась, не в силах продолжать: увидела ту улыбку, которая всегда вгоняла меня в состояние прострации и диспноэ. Она встала и сделала ко мне лишь шаг, который, впрочем, сразу же поставил ее прямо передо мной. Не говоря ни слова, не замечая ждущих транспорта людей рядом с нами, она легко поцеловала меня в губы, прикоснувшись руками до рукавов куртки.

На улице не было морозно – так, слегка холодновато, и я ходила нараспашку. Но, даже несмотря на все это, мне стало жарко, и я почувствовала, как дурацкая улыбка растягивается от одного до другого уха.

Пришлось облизнуть губы, чтобы не дать трем словам сорваться с них. По опыту зная, что за этим обыкновенно следуют проблемы, я сдерживала их как могла.

С уходом из моей жизни кого-то еще я смирилась бы легко. Но представить, как уходит от меня она – это выше моих сил... Как бы мне ни хотелось дать ей понять, что я чувствую, делать это никак нельзя было. Лучше подождать. Лучше просто выждать время. Нельзя ее терять.

Нельзя.

Ее.

Терять.

Somnus.1

Вагон полон, но не забит – то есть, людей столько, что нет ни единого свободного места, чтобы присесть, но зато никто не стоит. Идиллия, можно сказать.

Я сижу посередине, закрыв глаза и пребывая в полудреме. Еду я, кажется, по фиолетовой ветке куда-то вверх (вообще, вверху Таганско-Краснопресненской живет мой тату-мастер, но зачем мне во сне к нему ехать – неясно).

Поезд тормозит, и я собираюсь выходить. Уже встаю со своего места, поворачиваюсь вправо, успевши захватить рюкзак (неизменного спутника как в реальности, так и в дреме), как натыкаюсь на рыжеволосую деву, столь знакомую и милую сердцу.

От неожиданности я не могу ничего сказать: одновременно накатывает и радость, и непонимание, и неловкость. Слова вертятся в голове, однако на язык сходить не желают, и я просто стою напротив Аси, открывая-закрывая рот, как рыба. В свою очередь, встреченная мною особа также поражается моему явлению. Правда, не так сильно, как я – ее. Однако все-таки.

Стоит пояснить пока что, по какой причине мы (так часто общающиеся в действительности) так очумели, встретив друг друга в вагоне метро.

Перво-наперво замечу, что даже наяву вероятность подобной встречи мизерна – вы должны в один и тот же день, в одно и то же время поехать в одно и то же место, зайдя в один и тот же вагон в одну и ту же дверь. Нельзя не согласиться, что статистика ставит крест на надежде наткнуться на давнего знакомого в пространстве городского подземелья.

– Здравствуй, – наконец говорит мне Анна, а я все так же ловлю ртом воздух и не могу ничего сказать.

* * *

Возможно, это намекает мне на то, что в скором времени мы прекратим общаться, и я, надорвав свое сердце, оставлю мою darlin где-то в прошлом.

И все для того, чтобы позволить до невозможного крошечной доле вероятности вновь узреть ее и быть не в силах показать, как я рада этому.

Memoria.3

Мне было очень и очень страшно. Я сидела на железном своде моста, вцепившись в его пупырчатое покрытие мертвой хваткой.

– Я не пойду дальше, – голосом, который нельзя описать, крикнула я Асе и оторвала взгляд от своих напряженных пальцев. – Мне и здесь хорошо. Там высоко. Я не пойду!

Ася летящей походкой приблизилась ко мне.

– Эй, – позвала она, лучезарно улыбаясь. Этот прием всегда на мне работал (работает и до сих пор). – Пошли, трусишка. Давай, еще немного, мы же почти дошли до верха.

Я кинула взгляд за ее спину. Ничего себе «почти дошли»! Оставалось пройти еще примерно столько же плюс несколько сантиметров. Пройти за ней и словить сердечный приступ, потому что я ужасно боюсь высоты.

– Я с тобой уже на стройку ходила, – пробурчала я. Не злобно, но умоляюще. – Зачем еще сюда? Внизу тоже неплохо. Ась, ну пошли вниз, а. Знаешь же, что я боюсь. Ну пошли!

– Пойдем за мной, – не сдавалась та и уже отошла на несколько шагов вверх. – А то я обижусь.

Чуть что – сразу вот это. Обидится она! А я страдай.

Зажмурившись и стараясь не думать о том, что взбираюсь на чертов мост, я проползла еще на метр-полтора вперед.

– Пропустите, пожалуйста, – донесся до меня голос сверху, и я была вынуждена разлепить очи. Я посмотрела вверх – надо мной стоял какой-то мужчина, а сзади – его спутница. Очевидно, они спускались, а я им загораживала дорогу.

– О господи, только не скидывайте, – по-идиотски сострила я, наполовину реально боясь этой возможности. – У меня дома жена и дети...

Спускающиеся улыбнулись, и это вселило в меня непонятную радость. Забавно: так всегда бывает, когда кто-то улыбается мне, когда я чувствую тепло, исходящее от людей. Душевно становится как-то, легко на сердце и в мыслях.

Неловко отодвинувшись куда-то вправо, я уступила им дорогу и посмотрела на стоящую впереди меня Асю.

У меня прибавилось сил. Когда с души сдвигают тяжелый камень, становится проще двигаться, кровь насыщается адреналином.

Я продвинулась еще немного по своду и посмотрела вперед, надеясь увидеть, что пришел конец моим мукам и мы уже на вершине. Ан нет! Оставался буквально метр. Но сил, недавно меня наполнивших, уже и след простыл.

– Хватит, может быть? – понадеялась я.

Ася посмотрела в мою сторону и покачала головой.

– Нет. До самой вершины давай ползи.

– Но я боюсь! – истерически протянув гласные в глаголе, запела я и оглянулась. На меня смотрели все, кто находился на этом мосту. Я чувствовала себя животным в зоопарке. Но ничего плохого в этом не было. И даже улыбки, не сходящие с губ наблюдавших за мной, не были злобными или насмешливыми – они были дружелюбными.

Снова пропитавшись положительной энергетикой, я наконец-то долезла до Аси и села рядом с ней, положив рядом с собой рюкзак.

– Ну красиво же, – проговорила darlin, заморожено глядя перед собой – на небо над рекой и заходящее солнце, чуть-чуть скрываемое облаками. Лилово-фиолетовые оттенки с проблесками небесной голубизны успокаивающе действовали на мои нервы, заставляли пульс сбавить ход. Уже скоро сердце билось как положено.

– Ага, – согласилась я и достала из рюкзака термос с чаем и телефон.

Ася отошла немного вбок и встала в метре от меня, желая посмотреть на площадку для танцев где-то внизу и слева, что было возможно сделать только с того места, куда она, собственно, в итоге и встала.

Мне так понравилась игра света за ее спиной, лучи солнца, очерчивающие ее фигуру, что я сделала на память несколько снимков.

– Эй! – протестующе вскрикнула она, заметив мои действия. Я поспешно убрала телефон, а Ася приблизилась ко мне и села напротив. – Удали! – потребовала она, но по улыбке на ее губах я поняла, что это требование можно и не исполнять.

Я показала ей снимок, и она согласилась, что его можно не удалять.

– Девушки, привет, – к нам приблизились два парня. – А что это вы тут делаете?

Я уже налила чай в крышку из-под термоса и теперь трянула ею перед лицом вопрошающего.

– Да вот чаец пьем, – прокомментировала я свои действия. – Из травок всяких.

– Травок? – удивился второй. – Каких это?

– Ну, – решила продолжать начатый идиотизм я. – Тех самых, смешных. Хи-хи-хи, – симитировала я смех накуренного человека.

– О как! – они явно не понимали, что такое «ирония». – Можно мы присоединимся?

– Да шутка это, – прервала мои хохмы Ася, приятно улыбаясь мне и говоря этим, что мое дурачество ей нравится. – Это обычный черный чай.

– Ааа.

Но они все-таки подсели к нам, и я продолжала щеголять своим умением подшутить и посмеяться. Мне было легко в этой компании. Да пусть вместо этих двух с нами сидели Джек-Потрошитель и Фредди Крюгер – даже и тогда мне было легко. Просто потому, что я непосредственной близости сидела Ася, делавшая все вокруг в разы лучше.

Когда наши случайные спутники ушли, вечер уже давал о себе знать: вокруг зажигались фонари, с площадки внизу доносилась музыка, да и темнее стало, а солнце уже практически наполовину купалось в реке.

– Наверное, надо и нам спускаться, – нарушила мои размышления Ася. Я согласилась.

Странно: пару часов назад я не хотела подниматься на эту верхотуру, а теперь я уже не хотела спускаться с нее! Здесь было так спокойно и волшебно. Тут сидели такие прекрасные люди. Тут царила такая атмосфера, что я согласилась бы провести тут остаток своих дней! Но нет – всему приходит конец. И теперь, шагая за своим рыжеволосым шантажистом, я про себя согласилась с этим утверждением еще раз.

Слева, на втором своде моста, я заметила мило сидящую пару: парень обнимал девушку за талию и что-то ей вполголоса говорил, а она, положив голову ему на плечо, слушала. Я запомнила этот эпизод, потому что в нем была такая странная, такая удивительная гармония – казалось, что пара безоговорочно подходит под пейзаж и смену красок на горизонте. Пока я смотрела на этих людей (не более двух секунд), во мне вдруг расцвело чувство сродни любви.

К кому?

Я посмотрела вперед – darlin уже стояла на дорожке внизу, а я все копошилась, спускаясь.

К кому?

– То не затащишь ее, то не стащишь!

К кому?

Я встала двумя ногами на асфальт и посмотрела в пасмурно-синие глаза.

«Мы могли бы сидеть так же, как и та пара», – подумалось мне. «Если бы только я смогла разогнать эти тучи в небе ее души».

Somnus.2

Я, Ася и Лиза лежим на кровати. Место, в котором стоит кровать, мне знакомо, но сейчас я назвать его не смогу по одной простой причине – не помню. Вокруг темнота и мы о чем-то премило беседуем. Darlin лежит посередине – между мною и Лизой.

Вдруг Лиза привстает, опирается на один локоть и поворачивается к нам.

– Может, го целоваться? – предлагает она без экивоков.

Я отказываюсь – мол, нет, спасибо. Последнее время я действительно замечаю за собой такое – мне не хочется «кутить» так сильно, как раньше. Не хочется «гулять» и все такое прочее. И несмотря на то что Ася мне дико нравится, что она вызывает у меня желание поцеловать ее, я все-таки решила, что если когда-то вновь прикоснусь к ее губам, то это будет означать, что мы вместе. Великое искушение, надо отметить. Великая боль.

Лиза пожимает плечами и нагибается ближе к Асе. Я стараюсь подавить в душе ревность, злобу и страдание и отворачиваюсь.

– Ты должна это попробовать, – снова говорит Лиза, словно предлагая мне испытать винца. – Это что-то новенькое.

Я снова отказываюсь, но Ася поворачивается ко мне и говорит, мол, ну а почему нет? Она всегда придерживается этой позиции в состоянии подшофе. Ася продолжает смотреть на меня своими бездонными глазами, и в следующий миг я уже ощущаю ее руки на своей шее и ее губы на своих губах.

Только происходит дальше нечто странное: мой язык буквально засасывают в свой рот (извиняюсь за подобные неприятные описания, но что поделать?), и я пытаюсь отстраниться.

Напрасно: Ася напрягает руки и что есть мочи удерживает меня, продолжая изображать из себя страстный пылесос, словно дементор, вытягивая из меня душу.

Sensus.2

У меня была идея спрятать букет за спиной, но он просто-напросто не поместился бы там, ведь на моем горбе уже висел рюкзак, в котором чего только не было.

Я с некоторым опасением позвонила в дверь – куча мыслей сразу же закрутилась в голове: а что если она еще не простила меня за ту выходку в парке и после; а что если она просто закроет дверь; а что если она не хочет меня больше видеть?..

Серьезно, я никому бы не пожелала испытать этого. Самое ужасное – это стоять и не знать, что произойдет дальше, потому что невозможно быть уверенным на сто процентов в том, как человек поведет себя в ту или иную секунду. Я, по натуре своей человек постоянно обо всем рассуждающий и постоянно анализирующий все вокруг, просто разрывалась на части, пока время растягивалось, а звонок продолжал гудеть где-то внутри черепа, скача в нем мячиком.

Наконец Ася открыла дверь. Сердце сразу провалилось куда-то в желудок, а на губах заиграла дурацкая улыбка.

– Мне тут сказали, что кто-то выпустился, – протягивая букет, срывающимся голосом проговорила я.

Darlin улыбнулась мне.

– Цветы? Seriously? – спросила она, посмотрев на подарок и переведя взгляд на меня. В ее глазах не было ни обиды, ни чего-то негативного – они кристально чисто сияли в глубине, как то обычно бывает, когда она чему-то рада.

– Тюльпанов не было, – оправдывалась я, заходя в квартиру и прикрывая за собой дверь. – Продавец говорит, что, типа, не сезон и все такое. Я ему говорю: «что значит, не сезон? А ну давай тюльпаны!». Он, бедный, плакать начал, ну я и подумала, что прошу ему это...

Я начала, как обычно, нести всякий бред. Потому что ее улыбка сводит с ума мгновенно и хочется нести любую околесицу, лишь бы она улыбалась подольше.

Ася засмеялась и обняла меня.

– Спасибо, – сказала она. – Я люблю хризантемы.

Я вот их не люблю, кстати сказать. Я без ума от тюльпанов, а вот хризантемы кажутся мне какими-то... не очень. Но Лиза посоветовала их, и я таки купила хризантемы желтовато-белого цвета. Я не верю, что цвет цветов (извиняюсь за масло масленое) несет в себе какой-то смысл. Желтый является намеком на расставание, но я просто выбрала букет покрасивее.

Странное дело: при всей своей скаредности, потратиться на подарок darlin для меня не составляет никакого труда. Мне нравится видеть ее счастье. Мне нравится, когда я вызываю у нее улыбку.

Сняв кеды и свитер, я прошла в кухню и первым делом принялась обследовать холодильник (этим я занимаюсь всегда по приходе в чей-либо дом).

– Ничего себе, сколько еды! – удивилась я, осматривая полки, пока Ася наливала в вазу воду и ставила в нее цветы. – А Лиза говорила, что у тебя есть нечего!

– Кстати, а где ты их оставила?

– Да мне расплатиться с цветочником было нечем, вот я их и оставила, – качнула плечами я. – О! Можно яблочко взять?

– Да бери все что хочешь, – ответила Ася и оперлась на стол.

– Ах да! – я вдруг вспомнила про пари, заключенное с Лизой несколько минут назад на улице. – Какое ты вино купила? Сухое или полусладкое?

Ася посмотрела на меня в растерянности, но, решив, очевидно, ни о чем не спрашивать, прошла к своему портфелю и вытащила оттуда два пакета вина.

– Так, – пробормотала она, разворачивая первый и смотря на надпись. – Красное полусладкое и... «Изабелла».

– Ну, а «Изабелла» сладкая?

– Наполовину.

– Ха! – я улыбнулась во всю ширь своего рта. – Значит, Лиза проспорила мне две сижки.

– И с каких это пор ты куришь?

С тех самых, милая. С ночи в парке.

– Да я не курю особенно, – отмахнулась я. – Так, иногда, когда шибко грустно и нужно несколько развеяться... Кстати! – я вспомнила про бутылку текилы, захваченную с собой, и свитер, который был оставлен у меня в портфеле еще в ту злосчастную ночь, о которой мы обе сейчас вскользь подумали.

Я вернула свитер его хозяйке и, поставив алкоголь на стол, уселась на диван рядом с котом.

– Я сейчас в метро ехала как обольститель, – хмыкнула я, поглаживая Сему. – Сижку, читаю книгу, справа на плече у меня лежит Римма, а слева – Лиза. А в руках у меня цветы. Казалось, наверно, что от меня без ума две девушки, тогда как я сама еду на свидание к другой, – я помолчала. – Мне кажется, в глазах мужчины напротив я ясно прочла недоумение.

У меня внутри разгоралась неопишуемая радость. Мне хотелось встать и закружить Асю в танце, хотя я даже не умею танцевать.

– А потом, когда мы уже выходили из подземки, – продолжала я. – В переходе попалась женщина, продающая маленькие букетики цветов. На ее фоне мой выглядел просто огромным. Я посмотрела на нее и улыбнулась. По какой-то причине мне было так легко на душе, что я не могла не улыбнуться!

Зная меня, это действительно странно. Хотя... Я лишь говорю, что не люблю людей и животных, тогда как на самом деле просто боюсь признать обратное.

Я также говорю Асе о своих чувствах только в качестве шутки, боясь полностью раскрыться. Когда обнажаешь перед кем-то сердце, оно, понятное дело, становится легкой мишенью для ножа. А я, наверное, уже просто устала постоянно чувствовать боль. Поэтому-то и говорю всегда что-то, что автоматически воспринимается, как несерьезность, не стоящая рассмотрения.

* * *

Я вообще не пью вино, если оно не красное сухое. Красное сухое – это всегда пожалуйста, но полусладкое, полусухое и остальное – это не по моей части.

Но разве могла я отказаться от предложенного мне Асей бокала с «Изабеллой», особенно когда она сказала, что это вино не может мне не понравиться, и посмотрела на меня взглядом, описать который нельзя никакими словами?

Я попробовала – и действительно мне понравилось. Не могу точно сказать, почему это произошло: потому ли, что вино было хорошее, потому ли, что предложила мне его Ася... так или иначе, за вечер я выпила примерно полтора бокала вина, и потом вдруг оно перестало в меня вливаться.

«Изабелла» подействовала на меня странно – так, как никогда не действовало ни одно вино: я начала забывать какие-то события, которые мой мозг считал ненужными и неважными. Так, я не помню, когда Римма с Асей ушли на балкон. На самом деле, я вряд ли бы вообще заметила это, если бы Лиза не начала нервно прохаживаться туда-сюда и бурчать:

– Ну сколько они еще там будут стоять? Я не для того звала Римму, чтобы она с Асей устраивала на балконе *sad party*. Еще немного, и я сама впаду в депрессию.

– Я вообще не склонна к распусканию нюнь в пьяном или трезвом состоянии, – ответила я, сидя на стуле и глядя на стоящие передо мной цветы. – Но, если кто-то грустит непосредственно рядом со мной, то я невольно проникаюсь атмосферой вечера и тоже начинаю грустить.

– Вот-вот, – словно я высказала безумно умную мысль, поддакнула Лиза.

Пока ждали возвращения этой парочки, мы успели потанцевать (а точнее – подрыгаться) под Nicki Minaj – only, Melanie Martinez – pity party и Die Antwoord – ugly boy. По подборке можно догадаться, что мы пребывали в состоянии довольно-таки взбалмошном. Мы успели сходить на лестничную клетку и покурить, успели вернуться. Я даже выпила две стопки текилы, потому что начинала ощущать, как у меня внутри скапливается что-то болезненное, готовое вырваться наружу.

– Я пойду к ним схожу, – уведомила меня Лиза и удалилась на балкон.

Удачно. Не хотелось бы, чтобы меня кто-то видел не в приподнятом состоянии, а... как обычно.

Я включила снова Melanie Martinez и поставила чайник. Я всегда пью чай и кофе на таких вечерах. Это помогает мне не терять рассудок и не блевать после многих и многих стопок. Обычно люди не выносят мешанины и понижения градуса, а для меня все это не имела никакого значения, потому что у меня был чай.

Я села на стул и почувствовала некоторое отвращение к играющей песне. Покопавшись в композициях, выудила ту, что не слушала уже давно – такой грустной она была. Я даже однажды чуть ли не расплакалась в метро, вникая в текст. Лишь исполнение Griffin&Flint вызывало у меня подобную реакцию.

– Say something, I'm giving up on you.

В сознании само по себе вспыхнуло Асино лицо.

– I'll be the one if you want me to...

«Она никогда не захочет...»

– Anywhere, I would've followed you. Say something, I'm giving up on you, – мой голос дрогнул, и я почувствовала влагу на глазах. Почему-то именно «I'm giving up on you» всегда вызывает у меня слезы. Это звучит так чертовски похоже на то, что со мной происходит: я стараюсь выглядеть сильной, со всеми проблемами справляюсь в одиночку, с улыбкой отказываясь от помощи; я считаю, что я все смогу, тогда как... тогда как Ася одним своим видом ломает мой внутренний стержень на сотни маленьких кусочков, она заставляет меня чувствовать невероятный подъем и столь же невероятную пустоту. Это как езда на американских горках – вверх и вниз. Но для меня это слишком. И я... я сдаюсь. Я протягиваю руки вперед и говорю: «вот, арестуй меня, я в твоих руках. Я признаю твою власть надо мной».

Вдруг я услышала шуршащие шаги со стороны балкона и в следующий миг передо мной уже стояла Ася.

– Sad party? – со странной улыбкой спросила она, садясь на стул сбоку от меня и подбирая ногу к себе. Она вслушалась в конец песни и обернулась ко мне. – Давай споем ее.

– «Say something»? – переспросила я. Ася кивнула.

– Только дай мне текст, а то я наизусть не помню.

Петь с ней эту песню было все равно что говорить о своих чувствах напрямую, без обиняков. Я так хотела, чтобы она чувствовала то же самое. Я имею в виду, что тогда я всем сердцем желала, чтобы текстом этой песни Ася выражала свои чувства ко мне.

Ко мне.

Словно бы кто-то сможет почувствовать ко мне хотя бы симпатию.

Мы спели еще и pity party, после чего возобновили свою party и продолжили пить.

* * *

Было предложено скрасить нашу пьянку чем-то культурным и потому решено, что каждая из нас прочтает либо стихотворение, либо прозу – в общем, что угодно, что запало в душу или оттуда выпало.

Я не особенно-то этого хотела. В подобных занятиях есть что-то, что вгоняет в сплин. Да и не мудрено: я и не надеялась, что мы станем читать природную лирику или сатирические

очерки. Понятно было с самого начала: все, что будет здесь произнесено, выстрадано и будет нести в себе боль и тоску.

Я готовилась, поэтому выпила еще стопку текилы перед тем, как Ася начала. Она прочитала короткую прозу (или небольшой верлибр, быть может). Я сидела у нее на коленях в тот момент, и мне дико хотелось, чтобы те слова были адресованы мне:

только ты, пожалуйста, не устань от меня, как другие устали, говори мне про красивые дома, сиди со мной на качелях и прячь мои руки в свои рукава – всегда или сколько сможешь. я так скучала по теплоту тебе и «ты такая живая». я так скучала.

Уже после Асиного чтения я поняла достаточно ясно, что в течение вечера мое настроение будет падать, а комок в горле будет лишь расти.

Дальше на очереди была Лиза.

Пока она читала, я не могла понять, свое ли она выбрала или чье-то еще. В принципе, это было не особенно-то и важно – чем больше я слышала, тем сильнее щемило у меня в душе. Уже скоро к этому неприятному чувству прибавилось еще одно, не менее неприятное. Я поняла, что Лиза читает свое. И я поняла, что никогда мои стихи и моя проза не будут цеплять так, как то, что я в тот момент слушала:

*я давно перестала верить, как бы
отношусь ко всему скептически и эгоистично
наверное, все это неправильно. стиль моей жизни, мое мировоззрение (его отсутствие?),
мое отношение к.. да ко всему
я теряю людей. а как же мне хочется продолжать общаться с теми, кого я так давно
отпустила. или от кого ушла сама
курение убивает мозг на сорок минут, а я убиваю себя каждый день
у меня снова нередко проскакивают мысли о том, что моя кожа не должна быть такой
чистой, а желудок не должен быть полным. и как тяжело приходится, когда я заставляю
эти мысли исчезнуть, ведь кому понравится общение с такой, как я?
я думаю, это прекрасно, что мои знакомые могут только догадываться о том, что
происходит у меня в голове (только ты об этом знаешь, лис, но тсс, ладно?)
отведи меня в церковь
я бы покалась, стирая слезы со своих щек, теребила бы свою черную юбку грязными
от земли ногтями
у меня есть неделя, чтобы привести свои мысли в порядок. но я не хочу быть собой
я буду поклоняться храму твоей лжи, как пес
это ведь все, для чего я гожусь, да?
а как хочется быть «той красивой девочкой», от улыбки которой растает каждый,
от взгляда ее не скроется никто; она видит всех насквозь
а я прихожу к нему, улыбаюсь, «да, новая прическа», «да, цвет волос другой», «как
хорошо, что мы сошлись во мнениях» и «что это был за фильм?». и как он улыбнется в ответ,
придвинется ближе и легко коснется пальцами моего лица
«это ничего не значит»
я расскажу о всех своих грехах, так что начинай точить свой нож
я все придумываю способы, чтобы как-нибудь от этого избавиться, извернуться, выки-
нуть это из своей головы
о, у меня есть столько всего, что бы я тебе сказала!
но только в моих мыслях «ты», а на словах «Вы»
предложи мне эту бессмертную кончину*

*каждую субботу на бетонной стене с сигаретой в руке – обыденность
о боже, позволь мне отдать тебе свою жизнь
х в а т и т м н е у л ы б а т ь с я
я скучаю
дай мне почувствовать себя человеком
аминь*

– Я выйду? – попросилась я, когда отзвучало «аминь». Мне даже не хотелось шутить и креститься в припадке идиотизма. Мое настроение как-то сразу изменилось.

– Да, конечно, – ответили все, и я, взяв свою пачку с сигаретами, до которой в течение всего вечера не прикасалась ни разу, ушла на балкон.

Было уже темно, и фонари горели снизу, своим светом выхватывая круглые участки асфальта. Не было звезд, потому что весь день было пасмурно. Это нехорошо. Ветер слабо дул откуда-то с юга, что можно было легко понять потому, что он был теплым.

Я не хотела ни о чем думать. Я вышла на балкон за тем лишь, чтобы снова затуманить дымом свой бедный мозг. В животе вино знакомилось с более крепким алкоголем, яблоками, огурцами и чаем, вызывая у меня некоторый дискомфорт, а я продолжала стоять и отравлять свой организм.

Пачка была почти что полной – с того дня, как мне купил ее Грешник, я и не курила больше. Внутри виднелась одна перевернутая сигаретка – я где-то слышала, что надо загадать желание и провести данную махинацию. Я, в принципе, не верю ни во что подобное, но... если Ася не хочет быть со мной, возможно, обычная случайная мечта сможет как-то поменять все?

Я слышала шаги за своей спиной. Ожидаемо. Ася всегда приходит к кому-то, кто стоит в одиночестве. «Почему же ты не приходишь в мой дом?» – усмехнулась я.

– Я сбежала от них, – улынувшись, промолвила darlin. – Угостишь? – кивнула она на пачку.

– Пожалуйста.

Начался один из тех разговоров, что я называю «душевными». И это не просто название диалога. Кажется, словно беседуют наши души, тогда как сами мы молчим. Я одновременно люблю и ненавижу подобные моменты, имеющие место быть только с Асей. Люблю, потому что они действительно очень приятны. А ненавижу, потому что после этого я начинаю думать о том, что слышала, и в моей голове происходит какой-то кошмар. И это убивает, расщепляет сердце.

Хотя сознание мое было заполнено дымом и я не очень хорошо соображала, я отчетливо слышала, как Ася сказала, что я ей нужна.

Мне показалось, словно красную мышцу в моей груди прижало створками дверей. Мне стало дико больно. Но вытекающая из нее кровь успокаивала, служило словно бы мазью.

– Ладно, пошли, – сказала моя пассия, выбрасывая окурок за окно.

Я протянула руку к пачке, чувствуя себя недостаточно комфортно для того, чтобы нормально жить дальше.

– Нет, нет, нет, – Ася вытащила сигарету из моих рук. – Две за раз – это слишком. Я не позволю тебе выкурить еще.

Я улынулась. Приятно, когда кто-то о тебе беспокоится.

– Ну мааа... – протянула я, корча из себя дурочку. Ася уже открыла дверь, чтобы выйти, а я как раз повернулась обратно к пачке.

– Нет, – покачала darlin головой и взяла меня за руку. – Пойдем.

Электрический разряд, пущенный по моим венам, подействовал бы менее мощно, чем это прикосновение.

В который раз три чертовых слова начали кружиться в голове, так и просясь сорваться с губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.